

УДК 1+821.112.2](436)(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-508-515

АВСТРИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФИЛОСОФИЯ: Г. БРОХ О КРИЗИСЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ

Черепанова Екатерина Сергеевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Анализируются некоторые философские вопросы третьей части романа «Лунатики» (1931–1932) австрийского писателя Г. Броха (1886–1951). Его мировоззрение сложилось под влиянием австрийского литературного импрессионизма: в юности Брех слушал О. Вейнингера, восхищался К. Краусом и З. Фрейдом. Поздние работы Броха склоняют исследователей к мнению называть его последователем Лейбница и Платона, что также достаточно типично для австрийских мыслителей. Отмечается, что для понимания особенностей австрийской философии межвоенного периода представляется важным рассматривать также и литературные произведения, позволяющие не только раскрывать многообразие духовной жизни, но и проследить развитие целого ряда философских понятий и идей. Стиль и язык «Лунатиков» Броха являются как следствием поиска новых художественных средств в искусстве, так и попыткой найти новый язык и способ философствования в оппозиции позитивизму. В третьей части романа писатель показывает, насколько затруднительным является существование человека, лишенного веры, к тому же утратившего способность понимать сложные метафизические вопросы. Показано, какими Г. Брех видит новые задачи литературы в условиях диагностированного им нравственного кризиса. Выясняется, что для Г. Броха основной философской проблемой была аксиологическая, для решения которой он, с одной стороны, выстраивает художественное пространство романа, с другой стороны, помещает в текст обстоятельные философские рассуждения о роли религии в формировании ценностных ориентиров современного ему человека. Раскрывается содержание одного из интересных концептов романа — деловитость, который используется также в работе К. Ясперса «Духовная ситуация времени» (1932).

Ключевые слова: австрийская философия, австрийская литература межвоенного периода, постимперская ситуация, Г. Брех, проблема ценностей, католицизм, религия и ценности, деловитость.

AUSTRIAN LITERATURE AS PHILOSOPHY: DIAGNOSING SOCIAL AND HUMAN CRISIS IN THE POST-IMPERIAL SOCIETY («THE SLEEPWALKERS» BY HERMANN BROCH)

Ekaterina S. Cherepanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The article focuses on the philosophical aspect of the third part of the novel *The Sleepwalkers* (Die Schlafwandler, 1930–1932) by Austrian writer Hermann Broch (1886–1951). Broch's views were shaped by Austrian literary impressionism; in his youth, Broch was also much influenced by Otto Weininger, admired Karl Kraus and Sigmund Freud. In Broch's later works, researchers discover the legacies of Plato and Leibniz and claim that these philosophical schools were typical reference points for the Austrian thought. Analysis of literary works can help gain a better understanding of Austrian philosophy of the inter-war period. Not only do Broch's novels mirror the versatile spiritual life of that period but they also show the development of a whole range of philosophical ideas and concepts. The style and language of *The Sleepwalkers* reflect

the experimentation with new modes of expression in art as well as the author's own attempts to create a new language and way of philosophizing in contrast to positivism. In the third part of the novel, Broch shows how difficult is the existence of a person who has lost their faith and the ability to comprehend complex metaphysical matters. The article outlines Broch's vision of the new tasks that literature is facing in the conditions of the moral crisis he describes. Broch was mostly interested in axiological issues, around which he builds his novel. He also includes in his text extended philosophical interludes about the role of religion in the development of value orientations of his contemporaries. A special emphasis in the article is made on the concept of *Sachlichkeit* — practicality, which is also discussed by Karl Jaspers in his book *The Spiritual Condition of the Age* (*Die geistige Situation der Zeit*, 1932).

Keywords: Austrian philosophy, interbellum Austrian literature, post-imperial situation, Hermann Broch, value problem, Catholicism, religion and values, *Sachlichkeit*.

Одной из особенностей австрийской философии рубежа конца XIX в. и первой трети XX в. можно назвать неприятие немецкого идеализма [Цвейг С., 1963], а также критику языка [Черепанова Е.С., 1999]. Большая часть австрийских интеллектуалов считала важным подвергнуть критике идеи И. Канта, пересмотреть основания трансцендентальной метафизики или, по меньшей мере, связать с господством кантовской философии кризис духовной культуры. К примеру, «Вещь в себе» и «Я» как чистое самосознание — предмет критики Э. Маха, «Анализ ощущений» которого был воспринят австрийскими интеллектуалами как манифест нового мировоззрения. Наиболее радикальное отношение к Канту нашло отражение в позитивизме, однако даже в тех теориях, которые продолжали сохранять верность классической метафизике так или иначе можно обнаружить указанную особенность (к примеру, в теории предмета А. Мейнонга или в философии истории О. Шпанна).

Критика языка велась в равной степени как философами (Ф. Маутнер, Л. Витгенштейн, А. Штер), так и литераторами (К. Краус, Г. Бар, Г. фон Гофмансталь и др.). Так неявным образом был поставлен вопрос: предполагает ли отказ от следования традиции немецкого идеализма еще и новый язык философии, а возможно, и новый стиль философствования? Ф. Маутнер полагал, что фундаментальные философские проблемы относятся к числу неопишуемых, поэтому говорить с человеком о нравственных ценностях и Боге следует языком литературы. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что в межвоенный период многие писатели стали публицистами, писали собственные философские эссе или посвящали страницы и главы романов философствованию о проблемах и кризисе, кото-

рый переживала страна. На страницах газет обсуждались преимущества американского либерализма, «ленинского» социализма и вопрос о том, кто виноват в послевоенной ситуации, что произошло с человеком после войны. Война, крах имперского порядка, последующие сложные в экономическом и политическом плане годы Австрийской республики существенно изменили понимание роли литературы и писателя в обществе: «такие литераторы кофеев, как Франц Блей, Франц Верфель и Альберт Парис Гютерсло, неожиданно (и мимоходом) смогли стать революционерами» [Bruckmüller E., 1985, S. 460]. Поэтому для понимания особенностей австрийской философии этого периода полагаем важным рассматривать и литературные произведения, позволяющие представить не только многообразие духовной жизни, но и проследить развитие целого ряда философских концептов и идей. С этой точки зрения к числу наиболее интересных мыслителей относится Г. Брех, оставивший значительное наследие: критические эссе, философские и художественные произведения.

Герман Брех (1886–1951) относится к числу писателей и философов¹, чье мировоззрение сложилось под влиянием австрийского литературного импрессионизма, в юности он слушал О. Вейнингера, восхищался К. Краусом и З. Фрейдом. Поздние работы Бреха склоняют исследователей называть его последователем Лейбница и Платона, что также достаточно типично для австрийских мыслителей. Современ-

¹ В истории австрийской философии, написанной бывшим деканом философского факультета Университета Вены профессором П. Кампицем, Г. Брех представлен наряду с Л. Витгенштейном и М. Шликом [Kampits P., 1984, S. 214–224].

ная философия совершенно не удовлетворяет Броха, потому что она более не занимается человеком, настроена «антиплатонически» [Брох Г., 1997, с. 403] и, как следствие, антиинтеллектуальна, как указывает Брох в своем докладе в Венском университете в 1931 г. Так как ведущее положение в философском мире теперь занимает позитивизм, то нет оснований ожидать, что его представители будут писать о Боге и Благе [Broch H., 1977b]. Это теперь задача литературы: «Литература призвана заниматься теми проблемами, которых, с одной стороны, избегает наука, поскольку они вообще не могут быть освещены и живут ... только в отмирающем философском фельетонизме, с другой стороны, теми проблемами, охватить которые наука ... еще не успела» [Брох Г., 1996, с. 392].

Кризис нравственных ценностей, признаки которого писатель видит повсюду, становится сквозной темой его произведений. В теоретической работе, где он рассуждает о связи художественного стиля с эпохой [Broch H., 1977a, S. 45–80], основной категорией является этическая ценность. Трилогия «Лунатики»², опубликованная в 30-е, сопровождается обширными философскими комментариями, в которых тема ценностного кризиса, происходящего в культуре, также становится центральной. В третьей части романа философские рассуждения автора выделены в отдельные разделы, к которых мыслитель осуществляет рефлексию о современной духовной ситуации. Эти «включения» не связаны с художественным сюжетом, но призваны прояснить читателю философский смысл литературного текста.

Произведение задумано было таким образом, чтобы содержание и стиль каждой части отражали специфику определенного периода в истории Европы: романтизм 1888 г., анархия 1903 г. и деловитость 1918 г. — «в строгой параллельности к историческому процессу распада жизненных форм» [Брох Г., 1997, с. 408], при этом следуя тем методологическим установкам относительно языка — «метод невысказанного» [Брох Г., 1997, с. 395], которые сложились еще в

предвоенной литературе. Писатель считает необходимым менять от тома к тому не только содержание, но и язык и жанр произведения. То есть строй и грамматика языка соответствуют культурным трансформациям, которые он описывает, потому что «слово больше не действует в своем собственном значении, оно имеет теперь только меняющийся символический характер, а объект должен быть захвачен напряжением между словами и строчками» [Брох Г., 1997, с. 396]. В изображаемой смене эпох наглядно демонстрируются катастрофические изменения европейского человека: от эпохи Бидермайера через импрессионизм к новому экономическому порядку, приверженность которому диагностируется в равной мере как в капиталистическом укладе стран-победителей, так и в социал-демократической австрийской республике.

Этот новый экономический порядок становится в межвоенное время предметом критики большей части австрийских интеллектуалов. С ним ассоциируется рационализм, утилитаризм, утрата подлинной католической религиозности. Так, философ Ф. Эбнер (так же, как и Брох, призывающий к возвращению к католическим ценностям) в дневниках 20-х гг. пишет о сложной ситуации современного человека, который «стоит духовно беззащитный перед извращением бездуховности и манифестацией утратившей духовность витальности» [Ebner F., 1963, S. 432].

Современник Броха — это «свободный от ценностей (в старом смысле) и лишенный морали человек» [Брох Г., 1997, с. 407]. Ценности формировались столетиями, они есть результат развития общности, результат движения рационального и иррационального. Современный человек, полагает Г. Брох, в своем стремлении к свободе, в том числе к свободе от веры, абсолютно одинок. Ему приходится в этом одиночестве жить и умирать и в одиночестве принимать решения о своем будущем.

«И дорогой Бог не слышит это», — вставила девочка.

«Когда-нибудь Он снова услышит детские голоса», — сказал Эш.

«А это и лучше, когда никто никого не слышит, пробиваться нужно самому... и уж это мы сможем», — подхватил Хугюнау.

«Мы отказались от Него, и Он оставил нас в одиночестве, в таком одиночестве, что мы не

² В немецком слове «Schlafwandler» основной смысл состоит в том, что лунатики — люди, которые блуждают во сне, сомнамбулы, для Броха же те, кто тоскует об утраченном, спят наяву.

можем больше найти даже самого себя”, — сказал майор.

“Заточены в одиночество”, — добавил Эш» [Брох Г., 1997, с. 196].

Свобода означает, что человек использует разные ценностные системы для собственного удобства, исходя из необходимости личного объяснения и оправдания своих поступков. В одном случае — это могут быть интересы дела, в другом — законы войны. Эта свобода лишила человека надежности старого пространства/дома искренней веры, рационально понятое время также теперь не принадлежит человеку, а постоянно ускользает. Вследствие этого человек не может построить картину мира, испытывает страх и одиночество.

Религия более не определяет ценностный порядок, и в этом главная проблема человека. Г. Брох последовательно рассматривает взаимоотношения человека и Бога в протестантизме, иудаизме и католицизме, чтобы подчеркнуть превосходство старой католической веры.

Именно католицизм он видит культурным гарантом нравственной стабильности, поэтому в его философии ценности — это религиозные ценности католической культуры имперской Австрии, которую в кризисный межвоенный период ностальгически вспоминают многие интеллектуалы. Империя перед войной была полиэтничным регионом, в котором религиозная культура была опорой для государственного единства. Именно поэтому католические ценности, по сути, имеют для Броха значение общечеловеческих, апеллировать к которым является самым простым выходом в ситуации идентификационного кризиса. Необходимо было определить собственную позицию по отношению к революционным изменениям, которых так ждали во времена Франца-Иосифа и которые теперь так разочаровали. Этот очевидный культурно-исторический вызов, как представляется, и фундировал идейную конструкцию «Лунатиков» Броха.

Самым очевидным олицетворением времени перемен становится машина. «После 1918 года о причинах военных неудач своей страны австрийцы судили в том же ключе, что и Карл Краус о гибели “Титаника”: это была божья кара тем, кто поклонялся машине» [Джонстон У., 2004, с. 587–588]. Социал-демократические ре-

формы первой республики, ориентированные в первую очередь на поддержку рабочих в ущерб интеллигенции, также воспринимались как следствие «поклонения машине». Те, кто проектировали эту новую социальную реальность, — прежде всего австромарксисты — мыслили свою деятельность как работу социального инженера, как, к примеру, О. Нейрат. А действительно научной философией признается позитивизм. В 1921 г. М. Шлик получает кафедру в Венском университете, а в 1929 г. выходит манифест «Венского кружка» о научном мировоззрении. Памятником социальной инженерии, воплощенной в архитектуре, является дом — Карл-Маркс-Хоф, построенный по проекту К. Эна в 1927–30 гг. Это лишь один из примеров масштабных реформ социалистов, основанием которых была позитивистская парадигма, а культурным символом — машина.

В третьей части «Лунатиков» Г. Брох показывает, каким образом это новое время функционализма и прагматики меняет мышление человека, его способности понимать себя и мир с точки зрения подлинных нравственных ценностей. Как показывает писатель, человек следует новой логике, которую Г. Брох называет деловитость (*Sachlichkeit*)³.

К. Ясперс в работе «Духовная ситуация времени» (1932), описывая катастрофические изменения европейской культуры, также называет *деловитость* новым симптомом эпохи. Деловитость означает особую внутреннюю позицию человека, когда на место размышлений приходят умелые действия, на место чувств — фиксирование объективных данных, фактичность, когда важна управляемость, а личность подменена функцией.

«Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; ... В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать, не выделяться

³ Можно было бы переводить также как реалистичность, приверженность вещам или даже функциональность. В характеристике человека нового типа Брох дает возможность для такой интерпретации: «Работающий человек ... безмолвен ... Его язык ... всегда только деловое письмо. Он говорит вещами настолько, насколько это необходимо, но он никогда не говорит о вещах» [Брох Г., 1997, с. 402].

создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен» [Ясперс К., 1991, с. 309].

Масса, техника, деловитость, массмедиа, реклама, молодость — вот основные признаки нового времени, на которые указывает Ясперс. «В разложении на функции существование *теряет свою историческую особенность*, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий» [Ясперс К., 1991, с. 309].

У Броха именно функционализм, механистичный и примитивный, оказывается сутью деловитости. Существует логика солдата, логика военных, логика предпринимателя, логика художника, революционера, обывателя, но нет универсальной картины мира, и поэтому нет места никаким универсалиям, и Бог, и нравственные ценности ничего не значат. Проблема современного человека заключается в том, что, следуя экономическому порядку массового производства, поклоняясь функционализму и целесообразности, он совершенно не может ничем управлять и ничего более не может предвидеть. Предельно рациональный мир массового производства впадает в иррациональность. «Стали неуправляемыми деньги и техника, колеблются валюты...» [Брох Г., 1997, с. 379]. То, что всегда спасало, — прагматизм делового человека — теперь не надежен. Общность распалась, а на ее месте теперь масса, в которой каждый индивид атомарен, т.е. скрыт для другого, не предсказуем, но управляем и предсказуем для манипуляторов массой. На место этических норм, следование которым можно было ожидать у людей общей веры, пришли правила и инструкции, которые не действуют за пределами функции. Так как за деловитостью скрывается «беспомощность человека» [Ясперс К., 1991, с. 318], то он ищет вновь поддержки в фактах или в пафосе идеологии, а это все есть в газетном тексте.

«И когда Хугюнау по утрам следит в газете за событиями в мире, то это происходит с тем недовольством читателей газет, с которым все они жадно бросаются на статьи, переполняемые голодом на факты, и которые день за днем снова и снова надеются, что масса фактов окажется в состоянии заполнить пустоту онемевшего мира и онемевшей души. Они читают свои газеты, и в них кроется страх человека, который каждое утро просыпается от одиночества, поскольку

язык старого общества от них скрыт, а новый неслышим» [Брох Г., 1997, с. 380].

Текст последней части трилогии Броха составлен как ежедневный газетный листок и адресован человеку, который «выброшен» из мира имперского благополучия в послевоенную нищету и разруху, в мир, где «голые» материальные потребности предъявляют свою первостепенность с очевидностью, ранее присущей только нравственным ценностям [Bruckmüller E., 1985, S. 460]. В мире нового экономического порядка человеку без ценностей соответствует новый язык и литературный стиль, который должен передать новую логику эпохи. В цитируемом выше тексте Ясперса есть описание того, как проявляется деловитость в языке: «сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойным внимания. Обстоятельность отвергается, требуется конструктивная мысль не разговоры, а просто сообщение фактов» [Ясперс К., 1991, с. 309].

Об этом же пишет Г. Брох, подчеркивая, насколько бесперспективно обращаться к современному человеку на языке классического философского трактата:

«Работающий человек сегодняшнего дня в намного более глубоком смысле безмолвен, чем хотя бы тот же траппист (*сравнивает с обетом молчания представителей католического монашеского ордена*. — прим. Е. Ч.). Его язык, собственно, лишь понимание, он по сути воспринимается в самом широком смысле — всегда только сигнал, всегда только деловое письмо. Он говорит вещами настолько, насколько это необходимо, но он никогда не говорит о вещах ... Человек сегодняшнего дня является смотрящим и слушающим человеком, но он радикально антиинтеллектуализирован» [Брох Г., 1997, с. 402].

Поэтому нужно найти новые формы, новый язык, более понятный и «деловитый». Это стиль газеты, а жанр — репортаж, который время от времени, по замыслу Броха, прерывается необъяснимыми с точки зрения логики повествования сюжетами и текстами.

«Свобода ассоциаций упрощена. Но полное разрушение старых ценностных позиций допускает также здесь срыв чистого повествования:

идущее постоянно вперед освобождение свободного от мировоззренческих фиксаций иррационального может войти в стиль и дает ему лицензию на применение всех художественных средств, вопреки сухости делового сообщения» [Брох Г., 1997, с. 398].

Если представить разворот полноценного издания, то там можно обнаружить именно такой, невозможный для книги, хаос: репортаж может соседствовать на той же странице с эссе, с открытым письмом, с рассказом о животных, практически на полях могут оказаться стихи, и все это перемежается рекламными объявлениями. Так и текст этой части романа включает помимо репортажа фрагменты классического романного повествования, философские рассуждения о ценностном кризисе, пьесу («Симпозиум или беседа о спасении»), диалог об одиночестве, сцены религиозной жизни («История девушки из Армии спасения»), новеллу о ребенке и природе, гимн и т.д.

Уже в военное время репортаж, фельетон и эссе становятся основным жанром, к которому прибегают писатели, пытаясь проблематизировать вопрос об исторических перспективах, кризисе ценностей и постимперской ситуации в Австрии. Наиболее известным литературным экспериментом в этом жанре была пьеса К. Крауса «Последние дни человечества» (1915–1919), в которой, казалось, были собраны все клише и лозунги прессы периода Первой мировой войны. Брох использует этот прием, чтобы, с одной стороны, показать особенность мышления критикуемого им человека, с другой стороны, чтобы сделать философские идеи более доступными.

Символическим образом нового мира в романе становится печатный станок для издания газеты.

«Часами мог сидеть и Вильгельм Хугюнау перед своей печатной машиной, с любовью взирая на нее серьезным и пустым мальчишеским взглядом из-за стекол очков, испытывая безмерное чувство удовлетворения от того, что она движется, глотает бумагу и возвращает ее обратно» [Брох Г., 1997, с. 129].

Печатный механизм — олицетворение того, чем завершилась великая эпоха книгопечатания, машина для тиражирования ежедневных листовок, в которых есть место рекламе, объявлениям о похоронах, демагогическим и патриотическим

эссе. Поэтому для Бреха газетный стиль важно реконструировать в романе. И этим, наверное, можно объяснить, почему в тексте третьей части «Лунатиков» пьеса, стихи, репортаж, исповедь и философский комментарий объединены без всякой логики. «Колонка редактора», открытый авторский комментарий под названием «Распад ценностей» (появляется на протяжении всего романа десять раз), — это самостоятельный философский текст.

Таким образом, можно видеть, что в истории австрийской философии межвоенный период интересен не только развитием позитивизма, но и такими, как у Бреха, реакциями и рефлексиями о постимперской ситуации и следующих за ней социокультурных трансформациях.

В 1936 г. Брох в речи, написанной в связи с юбилеем Джойса, размышляет о назначении художника, о том, как можно судить о современности и своевременности художественного произведения. В этом тексте можно видеть рефлекссию об ушедшем времени «романтизма», о кризисе ценностей. Он с сожалением отмечает, что во времена Гете у человека была надежда, что «горящие вопросы души будут удовлетворены теологией или философией. Сегодня эта надежда угасает» [Broch H., 1975, S. 87].

Выражение признательности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01165).

Список литературы

Брох Г. Лунатики: роман-трилогия: в 2 т. / пер. с нем. Н.Л. Кушнера. Киев: Лабиринт; СПб.: Алетейя, 1996. Т. 1. 431 с.

Брох Г. Лунатики: роман-трилогия: в 2 т. / пер. с нем. Н.Л. Кушнера. Киев: Лабиринт; СПб.: Алетейя, 1997. Т. 2. 416 с.

Джонстон У. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. / пер. с англ. В. Калиниченко. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2004. 634 с.

Цвейг С. Книга как врата в мир // Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. М.: Правда, 1963. Т. 7. С. 330–338.

Черепанова Е.С. Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 142 с.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 287–418.

Broch H. Der Kunststil als Stil der Epoche // Broch H. Philosophische Schriften 2. Theorie. Kommentierte Werkausgabe. Bd. 10/2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. 332 S.

Broch H. James Joyce und die Gegenwart // Broch H. Schriften zur Literatur 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe. Bd. 9/1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975. 422 S.

Broch H. Theologie, Positivismus und Dichtung // Broch H. Philosophische Schriften 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe. Bd. 10/1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. 314 S.

Bruckmüller E. Sozial Sozialgeschichte Österreichs. Wien; München: Herold, 1985. 648 S.

Ebner F. Notizen // Schrieften. Bd. 2: Notizen, Tagebücher, Lebenserinnerungen. München: Kosel-Verlag, 1963. 1176 S.

Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1984. 230 S.

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

Broch, H. (1975). [James Joyce and the Present]. *Broch H. Schriften zur Literatur 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe* [Works on literature 1. Criticism. Annotated edition of works]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 9/1, 422 p.

Broch, H. (1977). [Theology, positivism and poetry]. *Broch H. Philosophische Schriften 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe* [Philosophical writings 1. Criticism. Annotated edition of works]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 10/1, 314 p.

Broch, H. (1977). [The art style as a style of the epoch] *Broch H. Philosophische Schriften 2. Theorie. Kommentierte Werkausgabe* [Philosophical writings 2. Theory. Annotated edition of works]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 10/2, 332 p.

Broch, H. (1996). *Lunatiki: Roman-trilogiya: v 2 t.* [Sleepwalkers: A novel-trilogy: in 2 vols]. Kiev: Labirint Publ., Saint Petersburg: Aletyya Publ., vol. 1, 431 p.

Broch, H. (1997). *Lunatiki: Roman-trilogiya: v 2 t.* [Sleepwalkers: A novel-trilogy: in 2 vols]. Kiev: Labirint Publ., Saint Petersburg: Aletyya Publ., vol. 2, 416 p.

Bruckmüller, E. (1985). *Sozial Sozialgeschichte Österreichs* [Social history of Austria]. Vienna, Munich: Herold Publ., 648 p.

Cherepanova, E.S. (1999). *Filosofskiy region «Avstriya»: ot teorii predmeta k ekologicheskoy katastrofe* [Philosophical Region «Austria»: From Subject Theory to Ecological Catastrophe]. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 142 c.

Ebner, F. (1963). [Notes]. *Schrieften. Bd. 2: Notizen, Tagebücher, Lebenserinnerungen* [Writings. Vol. 2: Notes, diaries, memoirs]. Munich: Kosel Publ., 1176 p.

Jaspers, K. (1991). [The spiritual situation of the time]. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 287–418.

Johnston, W. (2004). *Avstriyskiy Rennans. Intel'lektual'naya i sotsial'naya istoriya Avstro-Vengrii, 1848–1938 gg.* [The Austrian mind. An intellectual and social history 1848–1938]. Moscow: MSPR Publ., 634 p.

Kampits, P. (1984). *Zwischen Schein und Wirklichkeit* [Between appearance and reality]. Vienna: Austrian Federal Publ., 230 p.

Zweig, S. (1963). [Books Are the Gateway to the World]. *Tsveyg S. Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Zweig S. Collected Works: in 7 vols]. Moscow: Prava Publ., vol. 7, pp. 330–338.

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

Об авторе

Черепанова Екатерина Сергеевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики
и теории культуры

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: e.s.cherepanova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>
ResearcherID: R-3002-2016

About the author

Ekaterina S. Cherepanova

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History
of Philosophy, Philosophical Anthropology,
Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: e.s.cherepanova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>
ResearcherID: R-3002-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черепанова Е.С. Австрийская литература как философия: Г. Брех о кризисе человека и обществе после распада империи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 508–515. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-508-515

For citation:

Cherepanova E.S. [Austrian literature as philosophy: diagnosing social and human crisis in the post-imperial society («The Sleepwalkers» by Hermann Broch)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 508–515 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-508-515